

код экземпляра

576119

жр-3
ца-2
ф1-2
ф2-2

752
1070

*Юридический факультет Белорусского государственного университета
Юридический факультет
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина
Национальная юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого
Саратовская государственная академия права
Уральская государственная юридическая академия*

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Выпуск 4
2011

Екатеринбург 2011

243398

В. В. Голина*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Преступность – центральное понятие криминологии. Это и научный термин, но вместе с тем это и термин обыденного языка практической политики, что создает существенные затруднения в его однозначном понимании. Поэтому в истории криминологической науки – и не только – возникали и до настоящего времени не прекращаются дискуссии относительно сущности этого явления. Немалую роль при этом играют, по-видимому, и концептуальные принципы криминологии – общественной науки, которые тесно связаны с социально-политическими установками общества.

Признание того факта, что преступность – социальное явление, есть, бесспорно, выдающееся достижение науки XIX в. Но прошло уже более 150 лет с момента констатации этой мысли, а о природе преступного, следовательно, и преступности продолжают споры, выдвигаются различные теории и научные подходы к ее объяснению. Преступность и как понятие, и как криминальная реальность – сложное для понимания общественное явление, о котором многие (ученые, политики, практики) судят очень поверхностно, что влечет за собой множество дилетантских суждений и принятие на этой основе аналогичных решений. Очень часто в угоду конъюнктурным соображениям объективное толкование преступности отсутствует либо многие ее тенденции и свойства пытаются не замечать, так как их изменение связано с коренным пересмотром внутренней политики. В науке под мощным влиянием практиков сущность преступности упрощается. Зачастую (и это сказывается на определениях) ее пытаются представить как некую совокупность преступлений и преступников, их совершивших на определенной территории за конкретно взятый период времени. Фактически анализу подвергается не реальная преступность, а ее проявления, т. е. зарегистрированное количество преступлений и преступников за произвольно взятый отрезок времени. Такому пониманию преступности подчинена деятельность всех обеспечивающих ей противодействие государственных и общественных институтов.

В истории криминологии можно найти немало определений понятия преступности: «преступность – разновидность душевной болезни»; «преступность – это явление столь же естественное, как рождение, смерть, зачатие»; «преступность – это стремление подражать другим»; «преступность есть результат влияния окружающей среды»; «преступность часто является прямым порождением разрушительных процессов социальной дезорганизации»; «преступность – пси-

* © Голина В. В., 2011

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Национального университета «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого», член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины.

хологическое явление, порожаемое чисто психологическими причинами»; «преступность – показатель социальной патологии»; «преступность, как и грех, – нормальное явление в обществе»; «преступность – не просто омерзительное событие, это человеческое поведение»; «преступность – побочный продукт цивилизации»; «преступность – способ достижения социальных благ и власти»; «преступность – совокупность деяний, запрещенных законом под страхом наказания, которые совершены на данной территории в данное время»; «преступность – это отрицательное, опасное для общества социальное и правовое явление»; «преступность – свойство классового общества порождать массовое совершение опасных для него деяний»; «преступность – один из параметров общества, характеризующих состояние социального организма, рассогласованность между его составными частями»; «преступность – это исторически преходящее и изменчивое социально-правовое явление классового общества, представляющее собой совокупность всех совершенных в государстве (регионе) преступлений за соответствующий период времени»; «преступность – не совокупность единичных общественно опасных явлений, а социальный процесс, подчиненный общим законам развития социальных явлений»; «преступность – общественное явление, выражающееся в социально обусловленном отклонении поведения отдельных членов общества от норм, установленных уголовным законодательством» и др.¹

Приведенный обзор определений понятия преступности, многие из которых уже относятся к разряду дальней истории криминологии, необходимо дополнить взглядами на эту проблему современных ученых-криминологов и некоторых социологов.

На многие годы в отечественной криминологии (советской и постсоветской эпохи) утвердилось понятие преступности, данное Н. Ф. Кузнецовой: «Преступность – это относительно массовое, исторически изменчивое социальное, имеющее уголовно-правовой характер, явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени»². Из этого определения следует, что признаками преступности являются: а) относительная массовость явления; б) его историческая изменчивость; в) социальность; г) уголовно-правовая противоправность; д) классовость; е) совокупность всех преступлений; ж) государственная определенность; з) временная унификация.

Все данные признаки преступности, как и само ее определение, вызывали и вызывают сомнения, а некоторые из них едва ли приемлемы³.

Например, указание на то, что преступность есть социально-правовое явление, а точнее, социальное уголовно-правовое явление, лишено смысла, поскольку в человеческом обществе все правовое, т. е. регулируемое либо охраняемое правом, является социальным. А правовые нормы – разновидность социальных норм. В то же время смысловой акцент на социальность исключает иные подходы к изучению природы преступного и преступности. Личность человека, а затем

¹ Цит. по: Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 12–15.² Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 173–175.³ Зелинский А. Ф. Криминология: учеб. пособие. Харьков, 2000. С. 21–25; Голина В. В. Преступность: понятие и реальность // Проблемы законности: респуб. міжвід. наук. зб. / відп. ред. В. Я. Тацій. Харків, 1997. Вип. 44. С. 121–122; *Ее же*. Преступность: природа, сущность, проявление // Криминологія в Україні та протидія злочинності: зб. наук. ст. / за ред. М. П. Орзіха, В. М. Дрьоміна. Одеса, 2008. С. 34–36 и др.

и личность преступника являются исключительно «жертвами» несовершенства социума, его социальных групп, институтов¹. Для советской криминологии это было характерно. Редакционно разные, но очень сходные по содержанию определения преступности встречаются во всех учебниках по криминологии для вузов², многие известные криминологи их как поддерживали, так и поддерживают³.

Коренным же недостатком такого понимания преступности является то, что сущность, природа этого явления подменяется совокупностью его проявлений. Поправка автора определения преступности, что она есть не механическая сумма отдельных преступлений, а их органическая совокупность, системно-структурное явление, что между всеми признаками и свойствами преступности существует диалектическое единство, — не приближает к пониманию сущности преступности. Во-первых, чтобы там не говорили, совокупность эта искусственно создана с помощью приемов статистики. Во-вторых, органическая совокупность предполагает системность со всеми ее составляющими и целеполаганием. О какой системности преступности можно говорить, если она рассматривается как дискретное проявление (по годам и определенным территориям или стране)? В одной из своих работ В. Н. Кудрявцев писал, что совокупность преступлений надо рассматривать не как функциональную систему, а только как «статистическую совокупность слабо связанных элементов»⁴. В-третьих, явление, т. е. подсчитанная нами статистически зарегистрированная арифметическая сумма преступлений (и то далеко не полная), выступает лишь внешним выражением сущности, внешней формой, в которой реальность определяется в виде множества разнообразных во всех отношениях преступлений. Сущность преступности сокрыта, ее невозможно познать простым наблюдением. Цель науки, научного познания и состоит в том, чтобы за внешними формами проявления вещей вскрыть их сущность. Сущность вещей не совпадает с формой ее проявления. Например, сущность такого явления, как человеческая смертность, невозможно вскрыть через совокупность ее различных проявлений, а тем более за определенный период времени. Совокупность смертей — разных по форме их проявления — никогда не приведет к пониманию генетической природы смертности. Они лишь поставят многочисленные вопросы: какова генетическая природа смертности всего живого на земле; в чем сущность этого явления; каков механизм летальности; на что, как и какими средствами необходимо оказывать воздействие, чтобы через сущность сократить ее проявления, и т. д.

В криминологической, в том числе учебной, литературе предлагался так называемый «деструктивистский» подход к пониманию преступности. Преступность мыслится как массовое проявление деструктивности в поведении людей, выражающееся в системе предусмотренных уголовным законом деяний, совершенных на данной территории или среди членов определенных социальных групп в течение одного года или какой-то его части. Составленная из большого числа

¹ Зелинский А. Ф. Указ. соч. С. 21–25.

² См., например: Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 70–75; Криминологія: Загальна та Особлива частини: підручник / І. М. Даньшин, В. В. Голина і др. / за заг. ред. І. М. Даньшина. Харків, 2003. С. 36 і др.

³ См., например: Карпец И. Н. Указ. соч. С. 19–110; Ишмаков С. М. Криминология: учеб. М., 2000. С. 15–16; Антоян Ю. М. Криминология: избр. лекции. М., 2004. С. 54 и др.

⁴ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 62.

различных преступлений, совершенных в обществе, преступность — механическая сумма антиобщественных поступков. Это множество обладает признаками вероятностной системы — определенной целостностью, устойчивостью параметров, взаимодействием составляющих ее подсистем¹.

Такая позиция непротиворечива. С одной стороны, преступность — множество преступлений, пусть и обладающее признаками вероятностной системы (целостностью, устойчивостью, взаимодействием составляющих ее подсистем). Но откуда появляется у разрозненного, искусственно расчлененного по годам и территориям множества признаки вероятностной системы? С другой — под преступностью понимается массовое проявление деструктивности в поведении людей, вроде бы признается, что изначально в людях существует некая деструктивность (врожденная или приобретенная), т. е. приверженность к разрушению, которая массово проявляет себя в совершении преступлений. Выходит, она и является сущностью преступности?

Системный подход к пониманию преступности себя не оправдывает. По замечанию социолога И. П. Руценко, декларирование преступности как системы ни к чему дельному не привело: дальше деклараций и банальных истин дело не пошло².

Близким к рассматриваемому, но во многом содержательно отличным является девиантологический, или релятивно-конвенциональный, подход к понятию преступности³. Под преступностью здесь понимается относительно распространенное (массовое) статистически устойчивое социальное явление, разновидность девиантности (*deviatio* — уклонение; отклонение от правильной линии, от должного направления под влиянием каких-либо внешних причин), определяемая законодателем в уголовном законе. При этом предполагается, что в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» или «преступлением» по своим внутренним, имманентным свойствам.

Преступление и преступность согласно этому подходу — понятия релятивные (относительные), конвенциональные (договорные), они суть социальные конструкты, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реальности⁴. Преступность, будучи практически хорошо различаемым, фиксированным (уголовным законом) феноменом, логически относится к числу собирательных понятий. При всей объективности преступности как реально существующего общественно опасного явления, ее границы, сущностная и логическая определенность носит конвенциональный характер⁵.

Опять-таки преступность предстает как состоящее из статистической множественности преступлений явление, как одна из форм человеческой девиантности.

Любопытен так называемый семантический подход к раскрытию сущности преступности. Иногда его именуют еще «естественно-неконвенциональным» подходом, что на наш взгляд, неудачно. Д. А. Шестаков вышел на собственное

¹ Зелинский А. Ф. Указ. соч. С. 24, 48 и др.

² Руценко И. П. Соціологія злочинності: моногр. Харків, 2001. С. 105.

³ Кондратьев Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяинова. М., 2008. С. 8–10.

⁴ Гилинский Я. И. Криминология: курс лекций. СПб., 2002. С. 384.

⁵ Гилинский Я. И. Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений (вопросы теории и методики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. С. 24.

понимание феномена преступности, опираясь на семантический подход, исходя из смысла слова «преступность». Чем отличается преступность конкретного человека от совершаемого им преступления? — ставит вопрос автор. И отвечает: наверное, тем, что преступление — это проявление деяния воле, в то время как преступность — внутренняя предрасположенность индивида к совершению преступлений, сформировавшееся у него свойство поступать в определенных ситуациях преступно. До известной степени так же дело обстоит и в обществе. Под преступностью следует понимать свойство общества воспроизводить множество опасных для человека деяний, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов. Теоретически нельзя исключить существование людей, вовсе не предрасположенных к совершению преступлений, чего нельзя сказать об обществе. Если преступность отдельного человека, в принципе, может равняться нулю, то преступность общества всегда имеет абсолютную величину¹. Иначе говоря, общество «предрасположено» к совершению преступлений. Но разве не об этом говорил А. Кетле более 180 лет тому назад: «Общество заключает в себе зародыш всех имеющихся совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; оно, так сказать, подготавливает преступления, а преступник — только орудие. Всякое состояние предполагает, следовательно, известное число и известный порядок поступков, которые являются как необходимое следствие его организации»². Отсюда можно прийти к выводу, что множественность различных преступлений, называемая преступностью (как общее к единичному), — всего лишь проявление более «грозного» явления, которое А. Кетле назвал «зародышами» общества и которое, как нам представляется, не получило еще своего названия. Не исключено, что к «зародышам» А. Кетле относил и выведенную им склонность к преступлению в зависимости от пола, профессии, воспитания, климата и даже поры года. Он подчеркивал, что преступность возбуждает резкая смена в жизни от достатка к убогости. Жизнь таких людей полна соблазнов. По мнению ученого, для совершения преступления необходимо три условия: воля совершить его (что зависит от степени нравственности человека), благоприятные условия и возможность их использования³.

Обратимся к так названному безличностному пониманию преступности, сторонником которого является О. В. Старков. Рассматривая соотношение преступности, преступного поведения, преступления и опираясь на высказывание К. Маркса, что «общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»⁴, автор заявляет, что и преступность не состоит из преступлений и преступников, в реальной жизни будто бы не связанных. Интегрируют же их, объединяют в единое целое противоречия социального развития, а также их общественные последствия. И, таким образом, носителем, субъектом преступности является не совокупность (сумма) конкретных преступников, не личность преступника вообще, а общество как социальный организм. И поэтому преступность — безличностна, так же, как

¹ Шестаков Д. А. Криминология: преступность как свойство общества: краткий курс. СПб., 2001. С. 72.

² Кетле А. Человек и развитие его способностей, или опыт общественной физики. СПб., 1865. Т. 1. С. 44.

³ Кетле А. Указ. соч. С. 38.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 214.

любое общественное явление подчиняется социологическим закономерностям. Преступное поведение — личностно; его носители — масса отклоняющихся лиц с окружающей их микросредой, в которую входят криминогенные ситуации различных типов, направляющие этих лиц к преступлению. Конкретное преступление, понимаемое как акт, момент преступного поведения, его логически завершающее, не просто личностно, оно индивидуально и в этом смысле неповторимо, неотделимо от определенного лица. Его носитель — конкретный человек, субъект преступления, личность¹.

О. В. Старков прав в том смысле, что общество является лоном добра и зла, а равно и преступности. По сути, это та же идея общественных «зародышей» А. Кетле. В свое время подобную позицию занимал эстонский криминолог Э. Э. Раска, который писал, что «подлинным субъектом, физическим носителем преступности является население, а не совокупность преступников. Преступники, как известно, не составляют особую социальную группу, способную на самовоспроизводство. Население продуцирует контингент лиц, реализующих криминогенный потенциал общественного организма в конкретную преступность»².

Оба автора — сторонники того, что общество является накопителем криминогенного потенциала, «выбросы» которого и образуют преступные проявления, т. е. преступность.

В постсоветский период в украинской криминологии предпринимаются попытки пересмотреть, переосмыслить традиционное для нее понятие преступности. Плодотворными в этом отношении являются работы А. П. Закалюка, автора фундаментального труда «Курс сучасної української криминології: теорія і практика». Он раскрывает сущность преступности через философскую категорию человеческой активности, поэтому такой научный подход можно назвать «личностно-активным». Среди множества разновидностей человеческой активности по качественной характеристике выделяется, в частности, тип социально одобряемой и неодобряемой активности. Тип социальной неодобряемой активности по существующей в обществе шкале моральной и правовой оценки дифференцируется на асоциальный, антисоциальный и общественно опасный подтипы. Последний, в свою очередь, по критерию конкретного проявления общественной опасности делится на противоправный (непреступный), предпреступный или криминогенный (по криминологическому прогнозу) и преступный виды активности. По мнению ученого, названные типологические характеристики и иные признаки криминальной активности могут служить определению на уровне социума предметной сущности преступности: преступность — это феномен общественной жизни в виде неодобряемой и опасной для общества массовой, относительно стойкой, разнообусловленной криминальной активности части членов этого общества³.

Хорошо уже то, что преступность «очеловечилась», т. е. носителем преступного стали криминально активные члены общества, действия которых измеряемы

¹ Старков О. В. Криминология: учеб. пособие. М., 2004. С. 10–11.

² Раска Э. Э. Преступность как показатель социального пространства // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности: учен. зап. Тартуского ун-та // Труды по криминологии. Вып. 761. Тарту, 1987. С. 25.

³ Закалюк А. П. Курс сучасної української криминології: теорія і практика: у 3 кн. Киев, 2007. Кн. 1: Теоретичні засади та історія української криминологічної науки. С. 136–140.

количественно и качественно. Иными словами, криминальная активность части членов общества – это и есть совокупность преступлений и лиц, их совершивших. Вместе с тем природа этой самой криминальной активности автором не раскрывается.

Обращает на себя внимание институциональная теория преступности и криминализации общества В. Н. Дремина. Термин «институциональный» означает «общественно установленный», функционально связанный с обществом. Суть институционального подхода к преступности сводится к тому, что преступность рассматривается как одна из разновидностей социальной практики, криминализирующей социальные институты и часто подменяющей их, когда она включается в систему разнообразных легитимных социальных практик. Таким образом, преступность как совокупность криминальных практик не является особым видом человеческого поведения, не находится вне социальной деятельности, а является самой этой деятельностью только вне правового поля, широко распространенной деструктивной социальной практикой людей¹.

Работы В. Н. Дремина актуальны. К сожалению, приходится констатировать: реалии сегодняшнего дня показывают, что криминальная практика открыла для себя новое социальное пространство – преступное предпринимательство. В условиях форсированной капитализации и демократизации «разбужена» какая-то сила, которая массово проявляется в деструктивном (с точки зрения правовой оценки) преступном поведении.

В этой статье, с учетом анализа рассмотренных научных подходов, предпринимается попытка переосмыслить понятие и сущность преступности.

Сущность как философская категория – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех его многообразных свойств и отношений². Понять сущность чего-либо – значит проникнуть в скрытую от наблюдателя его сердцевину, в основные свойства вещи, природу, законы функционирования, зависимости и взаимосвязи с другими предметами, вещами, явлениями. Явление – то, в чем сказывается сущность. Это реальность, которая в виде определенной информации проявляется вовне, обнаруживается, фиксируется органами чувств и сознанием, вносит изменения в окружающий нас мир; это результат действия каких-либо сил. Проявляется в пространственно-временных границах и преступность в виде множественности преступлений и преступников.

Единичное преступление – проявление скрытой от нас глубинной человеческой сущности, которая внешне юридически определяется как общественно опасное, противоправное, виновное деяние (действие или бездействие), совершенное субъектом преступления (ст. 11 Криминального кодекса Украины). Именно этот вид активного деструктивного поведения человеческое общество подметило давно и искало скрытые его пружины, создавая по этому поводу научные (и не только!) конструкции. Массовость и почти одинаковость во всем мире запретов и жестоких наказаний за их нарушение нельзя объяснить только формой прав-

¹ Дремин В. Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества: моногр. Одесса, 2009. С. 103–117; Дремин В. М. Институціональна теорія злочинності та криміналізації суспільства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Одеса, 2009. С. 13–14.

² Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. перераб. и доп. М.: СГПб., 2004. С. 1168.

ления, режимом, социальными условиями, средой, влиянием религии, уровнем цивилизации, культурой, которые, конечно же, были различны. Но, видимо, была и есть в человеческой природе некая константа, присущая только общественному человеку, которая проявляется исключительно в обществе, воспринимается им и остается, по сути, неизменной на протяжении всего существования человечества. Эта вредоносная константа определяется как врожденная способность всех людей к отклонению от запрета, склонность к действиям нерациональным, противоречащим даже здравому смыслу, морали, безопасности, угрозам наказания, и одновременно часто ничем не отличающаяся от обыкновенного нормального человеческого поведения. Мы намеренно пока избегаем оценочного понятия «деструктивность», так как генетическая способность человека к отклонению от установленных правил во всех сферах своего бытия, материальной и духовной жизни имеет плюсовую и минусовую векторы, впрочем, как и все в природе и обществе. Это зависит от условий и стимулов жизни. Склонность эта – неистребимая потребность в прегрешениях, как пишет философ Э. А. Поздняков, в стремлении отклониться от чего бы то ни было. Она имеет не единичный, индивидуальный, а родовой характер: склонность проистекает из природы как самого человека, так и общества, побуждающего его «творчески» использовать это свое качество¹. Э. Фромм, рассматривая анатомию человеческой деструктивности, различая агрессию биологически адаптивную (названную им незлокачественной) и неадаптивную (злокачественную). Первая – это реакция на угрозу витальным интересам индивида; она заложена в филогенезе, свойственна как животным, так и людям; носит взрывной характер и возникает спонтанно как реакция на угрозу извне, а ее следствие – устранение самой угрозы либо ее причины. Вторая же (деструктивность и жестокость) – вовсе не защита от нападения, она не заложена в филогенезе, а является спецификой только человека; она приносит биологический вред и социальное разрушение. Основу биологически злокачественной агрессии составляет не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия существования самого человека². Не включаясь в сложную дискуссию по поводу довольно спорного вопроса о разделении человеческой деструктивности на незлокачественную и злокачественную, заметим лишь, что обе они – генетически предопределенная способность человека быть их носителем и проявителем.

На генетическую предрасположенность к указанной способности обращали внимание генетики. Так, В. П. Эфроимсон писал: «Именно гены человека порождают его способность к освоению культуры, отнюдь не определяя, какую культуру он освоит – японскую, американскую или древнеримскую. Гены человека определяют его способность к изучению математики, музыки, поэзии, литературы, астрономии, но не они определяют объем и содержание той культуры и тех знаний, которые выпадут на его долю в результате жизненных обстоятельств; способность к этической оценке тоже определяется генотипом, но этические критерии – что именно считать хорошим, что дурным – в огромной мере определяются социальной преемственностью»³.

¹ Поздняков Э. А. Философия преступления: для тех, кто не боится потерять иллюзии. М., 2001. С. 27, 53, 243.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. М., 1994. С. 164.

³ Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. С. 177.

В современной криминологической литературе отмечено, что деструктивная психодуховная энергетика присуща человеку при всем многообразии ее социального проявления и может быть сведена к трем паттернам (системно организованным пучкам) психодуховных качеств: 1) агрессии – посягательством на жизнь и здоровье; 2) экспансии – посягательством на блага и территорию; 3) обману – посягательством на истину, ее искажению. Агрессия, экспансия, обман – это трехглавое экзистенциональное воплощение зла. Из них, как из зародышевых клеток, развились все причудливые формы криминализируемой греховности¹.

Итак, мы попытались обосновать, что способность человека, в частности, к криминальной деструктивности заложена природой, хотим мы это сознавать или нет, что новизна идеи состоит в том, что эта способность и есть сущность преступного, преступности, но ее проявление не фатальное и носит в своем большинстве социально обусловленный характер. Способность эта на индивидуальном уровне не имеет, как представляется, сама по себе ни биологических, ни психологических, ни социальных отличительных признаков. В этом и есть отличие данной гипотезы от так называемых биологически врожденных программ преступного поведения. «Исходя из современного состояния криминологических исследований, – пишет Г. И. Шнайдер, – можно сказать, что преступность – это нормальное, будничное поведение людей, которое они постигают. И в любом случае она не связана ни с какими физическими или психическими отклонениями. Не существует преступных личностей в смысле сочетания в них относительно устойчивых преступных личностных свойств»².

Мы разделяем позицию, что человек всегда социально опасен, поскольку (еще раз подчеркиваем) он имеет природную способность преодолевать все, в том числе и правовой запрет³. Но как и любая человеческая способность, социальная ее опасность «вызревает» и проявляется в конкретной среде путем, например, подражания, общения и обучения, конфликта культур, общественной аномии, фрустрации, психических и душевных аномалий, стрессовых и экстремальных ситуаций, страстей, соблазнов и пр. Универсальная способность человечества к преступности (а она проявляется во всем мире, во все времена, среди всех цивилизованных народов и во всем своем разнообразии), – это, к сожалению, факт. Результаты некоторых исследований показывает, что 94 % из 100 % опрошенных законопослушных граждан признались, что они совершили преступление, которое осталось латентным либо личность виновного не была установлена правоохранительными органами⁴. «Важнейшим открытием криминологов является обнаружение почти тотальной распространенности среди населения способности к совершению преступлений», – заявили Л. В. Кондратюк и В. С. Овчинский, приводя математические расчеты массовой криминальной и предкриминальной пораженности населения Российской Федерации⁵. У нас криминологическое положение не луч-

¹ Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Указ. соч. С. 58–59.

² Шнайдер Г. И. Криминология / пер. с нем.; под общ. ред. Л. О. Иванова. М., 1994. С. 13.

³ Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 124, 126.

⁴ Баляба А. В., Виленская Э. В., Дидоренко Э. А. и др. Криминология: приглашение к дискуссии: моногр. Луганск, 2000. С. 55–56.

⁵ Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Указ. соч. С. 92–94.

ше. Жизнь свидетельствует, что совершение преступлений не какое-то исключительное, предельно иррациональное человеческое поведение, а очень распространенное, для многих привычное, хотя и рискованное.

Значит, человеческая склонность к девиантному поведению, заключающаяся в возможности решения людьми своих проблем путем нарушения уголовного запрета, и практическое воплощение этой возможности частью населения являются криминологическими фактами. Образуется синдром криминальной активности, т. е. возникает, укрепляется – под влиянием того, что мы видим и слышим – убеждение и решимость разрешать проблемы обходным, в том числе преступным, путем. Этот синдром мы называем «криминогенный потенциал общества». Он – источник преступных проявлений. Статистическая совокупность этих проявлений дает некоторое представление о его качественно-количественной характеристике, в частности, какая часть и какие слои населения наиболее концентрируют и реализуют этот потенциал, почему и какие общественные отношения его понижают или увеличивают, а также каковы необходимые общесоциальные и специально-криминологические меры для его уменьшения.

Иными словами, акцент криминологических исследований и практики противодействия преступности переносится на реальный криминогенный потенциал общества. Его изучение открывает широкие перспективы использования мер общесоциального и специально-криминологического предупреждения преступности. Меняется представление о природе преступного поведения, о роли репрессивного и предупредительного воздействия на проявление врожденной склонности личности к девиантному поведению и т. д. Антропологический уровень криминологического познания может вывести на новые рубежи противодействие преступности на основе новейших достижений науки и техники.